

Открыть печь оказалось не так просто. Сначала нужно было вытащить огонь и угли, а затем медленно извлечь глиняный горшок с помощью подручных средств. Хотя звучало это легко, на деле всё было куда сложнее. Приближаясь к печи, люди ощущали обжигающий жар, от которого лица мгновенно краснели, а пот струился ручьями.

Чу Хуайцинъ использовал две длинные палки, чтобы извлечь глиняный горшок. Когда угли у входа в печь были убраны, люди, присевшие у печи, увидели первый горшок, но радость их была недолгой — он оказался разбитым.

В прямом эфире раздались вздохи сожаления. Люди у печи тоже были разочарованы. Они вытащили осколки, некоторые из которых были размером с ладонь, а другие — как маленькие тарелки. Линь Чжинань, глядя на осколки, чуть не расплакалась.

— Сестрёнка, не расстраивайся, кажется, внутри есть целый, — монашек, как лягушка, припал к земле и заглянул внутрь печи, где в небольшом пространстве виднелся тёмно-красный горшок. — Брат, быстрее копай.

Монашек торопил.

— Не спеши.

Чу Хуайцинъ бросил палки, обернул руки банановыми листьями, взял тактический нож и, как и монашек, припал к входу в печь, чтобы лучше видеть внутри.

Осторожно просунув нож внутрь, он почувствовал, как жар обжигает его руку. Но нож уже был под одним из горшков, и бросить его было нельзя. Пришлось терпеть.

Ся Шан, заметив это, убежал и вскоре вернулся с одеждой, которую сложил в несколько слоёв и положил на руку Чу Хуайциня. Затем он начал обмахивать его веером, и голова Чу Хуайциня, затуманенная жаром, наконец прояснилась. Движения его стали быстрее.

— Я вытаскиваю его, — сказал Чу Хуайцинъ.

Услышав это, все замерли, затаив дыхание, и с напряжением следили за его руками. Когда горшок оказался у входа в печь, Су Хуайчэнь и остальные замерли от напряжения.

Монашек, лежа на земле, первым увидел его и закричал:

— Ура, получилось!

Тёмно-красный горшок был целым. Теперь не только монашек ликовал, но и зрители в прямом эфире невольно захлопали в ладоши, а затем опомнились: подождите, он же наш конкурент, почему я радуюсь?

Первый целый горшок стал своеобразной страховкой, и все немного расслабились. Когда третий горшок оказался разбитым, разочарование было, но уже не таким сильным. Когда настала очередь четвёртого, Ся Шан, увидев, что Чу Хуайцинъ весь красный от жара и пот льётся с него ручьями, поднял его и сам взялся за дело. Один за другим горшки были извлечены. Целыми оказались два больших и один маленький, остальные разбились, но несколько крупных осколков можно было использовать как тарелки.

Атмосфера стала радостной, пятеро человек окружили три горшка и смеялись.

— На самом деле печь нужно было закрыть для охлаждения, но у нас нет времени, — вздохнул Чу Хуайцинъ.

— Это может вызвать проблемы? — спросил Су Хуайчэнь.

— Срок службы сократится, но нам хватит и месяца, — ответил Чу Хуайцинъ, вытирая пот с лица и глядя на небо. — Странно, разве не должно быть уже светло?

— Точно, — откликнулся Су Хуайчэнь, взглянув на наручные часы. Было уже семь, а в шесть утра обычно уже светало. — Скоро пойдёт дождь.

Внимание всех было приковано к печи, и только теперь они заметили, что что-то не так.

— Я пойду к побережью, — быстро поднялся Ся Шан, затем обратился к Чу Хуайциню:

— Ты отдохни.

— Хорошо, посмотри, как там. Если ветер слишком сильный, не выходи в море. Посмотри на груды камней, сможешь ли что-то поймать. Возьми ловушку для креветок, может пригодится.

— Хорошо, я пойду один, — твёрдо сказал Ся Шан.

— Ладно, — Чу Хуайцинъ согласился без колебаний. Здесь тоже нужны были руки.

После ухода Ся Шана работа пошла полным ходом. Чтобы защитить хижину от дождя, нужно было уложить последний слой банановых листьев, кровать ещё не была готова, камни не были убраны в хижину...

Дела было много, и все забыли о завтраке. Чу Хуайцинъ бросил несколько плодов хлебного дерева в печь для запекания, двое занялись укреплением хижины, а двое других — изготовлением кровати.

Монашек ловко взобрался на крышу, а Су Хуайчэнь подавал ему материалы снизу. Чу Хуайцинъ тоже не терял времени, всё шло быстро.

Кровать сделали прямоугольной, высотой сорок сантиметров, связали лианами и уложили на каркас слой деревянных планок. Чтобы кровать не была слишком тяжёлой, её собрали прямо внутри хижины, выбрав подходящее место.

Все работали с энтузиазмом, и к десяти утра голод стал невыносимым. Чу Хуайцинъ раздал каждому по запечённому плоду хлебного дерева, а один завернул в банановый лист и отнёс Ся Шану.

В прямом эфире зрители кричали, что Чу Хуайцинъ скуп, но он точно не хотел, чтобы другие узнали о плодах хлебного дерева.

Зрители из Государства Хуа:

— Конечно, ведь на том дереве осталось всего несколько плодов, их едва хватит на нас, кому ещё делить?

Зрители из Государства Хуа:

— Да, я посчитал, после последнего сбора осталось совсем немного, кому их раздавать?

Чу Хуайцинъ вышел из леса с плодом в руках. Резкий запах моря ударил в нос, ветер был настолько сильным, что он едва устоял на ногах. Осмотрев пляж, он увидел, что плот привязан к камню, значит, Ся Шан не вышел в море. Чу Хуайцинъ направился к груде камней у скалы, но ещё не дойдя, услышал шум. Видимо, не только они, но и другие поняли, что что-то не так, и запасались провизией.

Тут же они заметили приближение Чу Хуайциня, и некоторые посмотрели на него с недоброжелательностью. Чу Хуайцинъ ответил им широкой улыбкой.

Те: ...

Ся Шан тоже заметил Чу Хуайциня, вылез из воды и подбежал с ловушкой для креветок, в которой уже было несколько рыб. По словам Ся Шана, рыбы, видимо, тоже почувствовали приближение шторма и собрались в этой бухте, чтобы укрыться от волн. Вытерев воду с лица, он взял запечённый плод из рук Чу Хуайциня, разломил его, и аромат разнёсся вокруг. Ся Шан откусил кусочек, и на его лице появились ямочки.

— Так радуешься? — не удержался Чу Хуайцинъ.

— Угу, — ответил Ся Шан, взгляд его слегка дрогнул, словно он хотел что-то сказать. Увидев улыбку Чу Хуайциня, он тихо добавил:

— Ты принёс, вот и радуюсь.

Чу Хуайцинъ, наблюдавший за морем: ...

Время, проведённое за поеданием плода, пролетело слишком быстро. Ся Шан, закончив, с сожалением подумал, что съел его слишком быстро. В следующий раз нужно есть медленнее.

— Подожди, ты же не спал? — наконец спохватился Ся Шан.

Чу Хуайцинъ, не моргнув глазом, солгал:

— Я только что проснулся.

— Тогда иди спать, я ещё посмотрю.

— Возвращайся пораньше.

— Хорошо.

Их прощание в прямом эфире выглядело трогательно, а для фанатов их пары это было настоящей сладостью, от которой даже зубы заболели. Но в этот момент на острове А произошло происшествие. Пятеро участников из Кореи, несмотря на предупреждения других команд, решили доплыть до острова Б. Прыгнув в воду с рюкзаками за спиной, они проплыли около двадцати метров, но попали в сильное течение. Один начал тонуть, а четверо бросились его спасать, но, как в сказке, один за другим пошли на дно.

В итоге съёмочная группа вмешалась и спасла их, но они выбыли из игры.

Эта новость дошла до Чу Хуайциня как раз в тот момент, когда он вернулся в лагерь. Это также означало, что пять команд, оставшихся на острове А, не нашли нож. Фанаты этих команд не выдержали и начали ругать съёмочную группу, но те оставались невозмутимыми, позволяя им продолжать.

— Отряд Гуньгунь точно сжульничал, иначе почему мы не нашли нож, а они нашли?

Участники команды Корё с покрасневшими глазами кричали в дрон и на режиссёрскую группу. В прямом эфире начался хаос, фанаты команды Корё кричали: «Один из трёх главных режиссёров — из Государства Хуа!» — и использовали это как повод для обвинений. Споры разгорелись не только в прямом эфире, но и на различных форумах, привлекая внимание зрителей из других стран.

— Это потому что ты тупой.

Ассистент режиссёра, когда участники команды Корё начали кричать на них, прямо ответил им.

Все были ошеломлены его словами, а затем начали реагировать. Кто-то кричал:

— Режиссёры говорят грубо.

Кто-то поддерживал:

— Здесь пятнадцать команд, почему вы особенные?

— Брат, неужели оставшиеся четыре команды действительно застрянут там? — монашек, уже закончивший с крышей, спустился и вместе с Су Хуайчэнем занялся укреплением стен хижины.

<http://bllate.org/book/16333/1474938>